

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

ИНОРОДЦЫ

СИБИРИ

И

СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДЪНИЙ
РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

1895

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

Финскія племена.

	стр.
I. Сибирскіе самоѣды	7
II. Остяки	22
III. Вогулы	30

Монголо-манчжурскія племена.

IV. Буряты	35
V. Калмыки	44
VI. Тунгусы	48
VII. Гиляки, гольды, айносы, корейцы	56

Полярныя племена.

VIII. Юкагиры	61
IX. Чукчи	65
X. Коряки	72
XI. Камчадалы	76

Турецко-татарскія племена.

XII. Якуты	81
XIII. Сибирскіе татары	89

II. ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХЪ ВЛАДѢНИЙ РОССІИ.

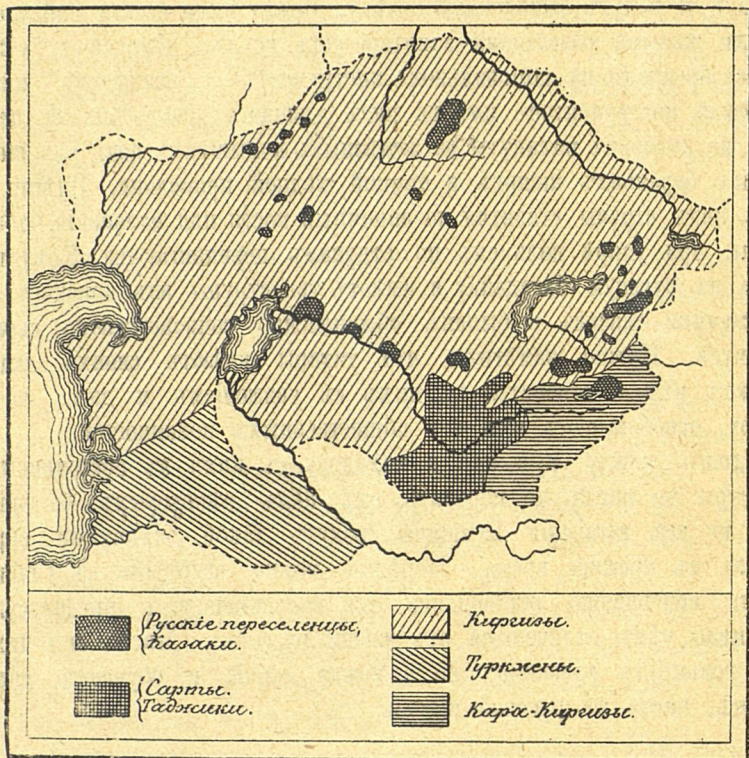
Турецко-татарскія племена.

I. Киргизы	99
II. Саргы	114
III. Таджикы	120
IV. Узбеки	122
V. Туркмены	125

Монгольскія племена.

VI. Дунгане	130
VII. Таранчи	134

Карта инородцевъ Средне-Азіатскихъ владѣній Россіи.

II.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

КИРГИЗЫ.

Киргизы называютъ себя *кайсаками* или *казаками*; названіе это они производятъ отъ словъ: „каз“ (гусь) и „заг“ (воронь), что въ общемъ значить „степная птица“; этимъ же именемъ называютъ ихъ и сопредѣльные съ ними народы: бухарцы, хивинцы, персіяне и китайцы. Киргизами назвали ихъ русскіе, по названію одного племени, живущаго около озера Иссыкъ-Куля. Названіе это одни производятъ отъ словъ: „кыркъ“ (сорокъ) и „кыз“ (дѣвица): потомство сорока дѣвицъ; другіе же производятъ отъ словъ: „кыръ“ (степной) и „гизъ“ (человѣкъ): степной человѣкъ.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тяньшаня и рѣки Иртыша. Все это пространство состоитъ изъ травяныхъ степей и солончаковъ.

По мѣсту кочеванія киргизы раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Малая орда кочуетъ на западѣ, вдоль Оренбургской и Уральской линіи и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Средняя орда кочуетъ на востокъ отъ Малой орды, до рѣки Иртыша и озера Зайсана; Большая орда кочуетъ около озера Балхаша и рѣки Или.

Всѣхъ киргизовъ насчитывается около 2¹/₂ милліоновъ человѣкъ.

Они раздѣляютъ себя на два сословія: благородное или „бѣлую кость“ (акъ сеюкъ) и чернь или „черную кость“ (кара сеюкъ). Къ первому сословію относятся знатнѣйшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; ко второму— относятся все остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія. *) Раздѣленіе это не кладетъ, впрочемъ, грани, не допускающей близкихъ отношеній между лицами того и другого сословія: киргизы знатнаго происхожденія не кичатся передъ киргизами низшаго сословія, и эти послѣдніе не считаютъ для себя недоступнымъ общество первыхъ. Киргизъ „черной кости“ свободно ѣдетъ въ гости къ киргизу „бѣлой кости“, входитъ безъ стѣсненія въ его юрту и располагается, какъ ему удобно.

Киргизы дѣлятся на роды. Между членами каждаго рода довольно тѣсная связь. Роды раздѣляются на волости, а волости—на аулы. Волости и аулы управля-

*) О происхожденіи «бѣлой» и «черной кости» у киргизовъ ходитъ такое преданіе: нѣкогда жилъ могущественный ханъ; у него была красавица дочь, которую онъ не взлюбилъ. Ему было предсказано, что отъ нея произойдетъ многочисленный народъ. Царь велѣлъ построить темный покой съ прочными дверями и заключилъ туда царевну. Долго томилась красавица въ заключеніи. Но вотъ въ покой какимъ-то образомъ проникъ солнечный лучъ, и, спустя нѣкоторое время, царевна родила сына. Узнавъ объ этомъ царь и велѣлъ своимъ слугамъ убить дочь. Но Богъ не допустилъ ее до погибели; за нее заступился могучій богатырь и взялъ ее себѣ въ жены. Отъ брака съ богатыремъ родилось нѣсколько сыновей, отъ которыхъ и произошли киргизы «черной кости», а сынъ солнечнаго луча сдѣлался родоначальникомъ «бѣлой кости».

ются волостными и аульными выборными старшинами, которые подчинены русскимъ уѣзднымъ начальникамъ. Судебныя дѣла разбираютъ выборные бѣи. Недовольный рѣшеніемъ бѣи можетъ жаловаться въ совѣтъ бѣевъ, или уѣздному начальнику, или же губернатору. Важныя уголовныя преступленія, напр., убійство, грабежь, подлежатъ суду русской судебной власти.

Киргизы составляютъ отрасль турецко-татарскаго (тюркескаго) племени съ монгольской примѣсью. Внѣшній видъ ихъ изобличаетъ ихъ происхожденіе. Они средняго роста, сутуловаты; лицо ихъ широкое, скуластое; глаза узкіе, черныя; носъ большой, широкій, иногда съ горбомъ; цвѣтъ кожи блѣдно-желтый. Мужчины бреютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную клинообразную бородку. Волосы около губъ они выщипываютъ, чтобы не мѣшали при ѣдѣ. Походка ихъ большею частью развалистая.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами (чапанъ). По халату они подпоясываются ремненнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно виситъ ножъ и кисетъ съ огнивомъ и кремнемъ. При сильныхъ холодахъ они надѣваютъ по нѣскольку ватныхъ халатовъ или же носятъ бараній тулупъ. На головѣ носятъ ермолку (тюбетейку), поверхъ которой еще надѣваютъ лѣтомъ остроконечную, съ выгнутыми кверху полями войлочную шляпу, а зимой — конусообразный мѣховый малахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаныя или бумажныя панталоны и кожаные сапоги.

Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ болѣе украшена бываетъ его одежда. Въ болѣе важныхъ случаяхъ знатные киргизы любятъ нарядиться въ цвѣтной бархатный каф-

танъ, обшитый по краямъ двойнымъ широкимъ галуномъ, и бархатную шапку съ широкимъ бобровымъ околышемъ.

Киргизки носятъ бешметъ, украшенный обыкновенно костяными или металлическими пуговицами и блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большимъ бѣлымъ бумажнымъ или холщевымъ покрываломъ, концы котораго опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣвають накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшеніями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первыя—въ три косы, а вторыя—въ нѣсколько тоненькихъ косъ, унизанныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы—перстнями съ камнями.

Жилищемъ киргизовъ служитъ юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружи кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма; въ холодное время оно закрывается кошмой, при чемъ, если горитъ огонь, то оставляется маленькое отверстіе. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ—дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома. Кто войдетъ въ юрту при закрытыхъ дверяхъ, тотъ нарушитъ требованіе киргизскихъ приличій.

Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстіемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служитъ для освѣщенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котелъ, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Поль и стѣны юрты у болѣе зажиточныхъ киргизовъ бываютъ выстланы коврами. Въ юртѣ помѣщается все имущество киргиза. Направо отъ двери у стѣны обыкновенно стоятъ сундуки съ одеждой и разными драгоценностями; налево—низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди—низенькій круглый столъ, на которомъ киргизы ѣдятъ. Недалекъ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ стоитъ саба (кожаный мѣшокъ), въ которой готовится кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣдла, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаютъ членовъ своей семьи. Въ каждой юртѣ помѣщается отъ 3 до 5 человекъ.

Постановкой юрты занимаются обыкновенно женщины. Съ удивительной ловкостью и быстротой онѣ сплетаютъ остовъ юрты и покрываютъ его кошмами, привязывая ихъ къ нему веревками. Черезъ какіе-нибудь полчаса юрта готова. Столько же времени нужно, чтобы опять снять юрту, свернуть въ трубку кошмы, покрывавшія ее, связать жерди, изъ которыхъ составленъ былъ остовъ, и сложить все это въ арбы.

На зиму киргизы обкладываютъ свою юрту двойнымъ рядомъ кошмъ и окружаютъ ее стѣной изъ камыша. Многіе киргизы на зиму перебираются въ такъ называемыя „зимовки“—избушки, сплетенныя изъ хвороста, обмазанныя глиной и покрытыя дерномъ. Каждая такая избушка имѣетъ одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глиняная печь и низкія, на поларшина отъ пола, полати, служащія для сна. При каждой избушкѣ или юртѣ устроено бываетъ нѣсколько крытыхъ загородекъ, въ которыхъ помѣщается скоть.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдая эту религію, они не отстали отъ языческихъ вѣрованій. Отсюда и происходитъ, что вѣрованія ихъ представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи есть мечети; но киргизамъ, вслѣдствіе кочевого образа ихъ жизни, рѣдко приходится бывать въ нихъ. Кромѣ того, киргизы рѣдко обращаются къ мулламъ для совершенія религиозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно ими выполняется постъ — „рамазанъ“ *), бывающій лѣтомъ и продолжающійся цѣлый мѣсяць. Въ продолженіе дня они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшно совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаютъ пить кумысъ и ѣсть мясо. Съ этого времени вплоть до разсвѣта они только то и дѣлаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ разсвѣтомъ же ложатся спать и спятъ сколько возможно долѣе, дабы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, растущія одиноко среди степи; признаютъ также священными могилы богатѣйшей. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемаго святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершаетъ молитву и оставляетъ какое-нибудь приношеніе: лоскутъ матеріи, пучокъ конскихъ волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрятъ въ Шайтана (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ, или „Шайтанъ сълъ ему на шею“.

Между киргизами можно встрѣтить гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горитъ баранье сало, или по звѣздамъ. Гадатели иногда принимаютъ за лѣченіе болѣзней, при чемъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу лѣченія ихъ: колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобызѣ, кричать дикимъ голосомъ, произносить безсмысленныя рѣчи; потомъ хватаетъ плеть и начинаетъ бить больного.... Нужно впрочемъ замѣтить, что гадатели прибѣгаютъ иногда и къ болѣе рациональному способу лѣченія. Такъ, напр., отъ простуды лѣчатъ такимъ образомъ: убиваютъ лошадь, тотчасъ же сдираютъ съ нея кожу и плотно обвертываютъ ею больного. Отъ той же болѣзни лѣчатъ также и такимъ образомъ: завертываютъ больного въ кошму и легонько катаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошенько не пропотѣетъ; затѣмъ, давъ ему остыть, развертываютъ кошмы, но тѣло все-таки оставляютъ нѣсколько прикрытымъ.

Между киргизами, имѣющими частыя сношенія съ русскими, можно встрѣтить крещеныхъ. Такіе киргизы обыкновенно оставляютъ кочевой образъ жизни, переселяются въ городъ или село и здѣсь поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ.

Лѣтосчисленіе у киргизовъ своеобразно. Счетъ времени они ведутъ по цикламъ

*) Въ память дарованія корана.

или эрамь. Цикль или эра состоитъ изъ 12 лѣтъ. Каждый годъ въ цикль имѣеть свое особое названіе, напр.: „ить“ (собака), „тишкань“ (мышь), „куянь“ (заяць), „джилянъ“ (змѣя), „джилки“ (лошаль), „кой“ (баранъ) и т. д. Такимъ образомъ, если киргизъ говоритъ, что со времени такого-то событія минуло три „кой“, это значитъ, что прошло уже 36 лѣтъ, такъ какъ „кой“ бываетъ въ каждомъ цикль только одинъ разъ.

Киргизы могутъ быть причислены къ довольно способному племени. Они обладаютъ хорошею памятью и особенно прочно запоминають мѣстность. Киргизъ никогда не заблудится въ той мѣстности, по которой онъ хоть разъ проѣхалъ. Кромѣ памяти, они обладаютъ значительною сообразительностью и находчивостью, нерѣдко помогающею имъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ особенно сильно зрѣніе. Киргизъ ясно видитъ на такомъ разстояніи, на какомъ русскій ничего не въ состояніи различить. Между киргизами успѣшно распространяется татарская грамотность. Несмотря на трудный способъ обученія, киргизскіе мальчики овладѣвають этой грамотой. Обучаетъ ей обыкновенно учитель-мулла, нанимаемый богатыми киргизами. Для веденія обученія отводится особая юрта. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ киргизовъ обучаются и мальчики бѣдныхъ киргизовъ. Сдавая муллѣ для ученія сына, отецъ приговариваетъ: „кости мои, а мясо твое“. Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своего ученика, сколько захочетъ, лишь бы только не повредилъ его костей, не причинилъ ему увѣчья. Ученіе начинается обыкновенно съ ранняго утра. Проходя рано утромъ по аулу, можно иногда слышать въ юртѣ муллы-учителя голоса учениковъ, выкрикивающихъ слова корана. Учитель обучаетъ не всѣхъ учениковъ сразу, а поодиночкѣ. Каждый ученикъ читаетъ свое. Мулла выслушиваетъ то того, то другого ученика, и, если замѣчаетъ, что ученикъ твердо выучилъ урокъ, задаетъ ему новый и прочитываетъ съ нимъ задаваемое; если же находитъ, что онъ не твердо выучилъ его, приказываетъ твердить еще.

Если ученіе происходитъ лѣтомъ, то съ наступленіемъ жары, около 11 часовъ дня, занятія прерываются и ученики распускаются, пока не спадетъ жара. Около 4-го или 5-го часа пополудни они снова собираются и занимаются до сумерекъ.

Мулла не только обучаетъ, но и воспитываетъ своихъ учениковъ, приучая ихъ къ послушанію и почтительности къ старшимъ. За всякій проступокъ онъ наказываетъ строго.

По пятницамъ ученія обыкновенно не бываетъ. Ученики изъ ближайшихъ ауловъ отпускаются на этотъ день домой. Возвращаясь изъ отпуска, каждый ученикъ приноситъ муллѣ-учителю подарокъ (джумалыкъ). Сыновья богатыхъ приносятъ по нѣскольку копеекъ, а сыновья бѣдныхъ приносятъ куртъ (овечій сыр) или вообще что-нибудь съѣстное.

Въ нѣсколькихъ городахъ Киргизскаго края учреждены, по распоряженію русскаго правительства, пансіоны для киргизскихъ дѣтей. Въ этихъ пансіонахъ мальчики и даже дѣвочки успѣшно обучаются русскому чтенію и письму, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ элементарнаго курса. Кромѣ того, между учениками многихъ начальныхъ русскихъ школъ можно встрѣтить киргизскихъ дѣтей. Даже нѣкоторые среднеучебныя заведенія края имѣють въ настоящее время между своими учениками киргизовъ. При прохожденіи курса этихъ заведеній ученики-киргизы не отстають отъ своихъ русскихъ сверстниковъ.

Киргизы удивительно любопытны. Какъ только войдетъ въ ихъ юрту путешественникъ, они усаживаютъ его на кошму и начинаютъ разспрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? есть ли у него семья? сколько стдитъ его лошадь, сбруя, одежда? и т. п. Вопросамъ ихъ, кажется, нѣтъ конца. Чѣмъ больше путешественникъ имъ рассказываетъ новостей, тѣмъ большее уваженіе онъ приобретаетъ въ ихъ глазахъ. Чтобъ узнать какую-нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшитъ въ свой или сосѣдній аулъ, чтобы рассказать услышанное.

Киргизы гостепріимны. Кто бы ни пріѣхалъ къ нимъ, онъ найдетъ у нихъ радушный пріемъ. Пріѣхавшій гость обыкновенно слѣзаетъ съ лошади и, держа ее за поводъ, садится подлѣ двери юрты. Выходитъ хозяинъ и проситъ его войти въ юрту. Затѣмъ угощаетъ его кумысомъ и начинаетъ разспрашивать обо всемъ, что его интересуетъ. Гость, прихлебнувъ кумыса изъ поданной ему чашки, дополняетъ ее самъ и подаетъ хозяину. Этого требуетъ вѣжливость. Если хозяинъ знаетъ, что гость можетъ прожить у него нѣсколько часовъ, онъ не поскупится зарѣзать барана, чтобы угостить его. Въ такомъ случаѣ въ юрту хозяина собираются знакомые и начинается угощеніе.

При любопытствѣ и гостепріимствѣ, киргизы скрытны. Киргизъ не скоро откроетъ свою душу и выскажетъ свои чувства. Онъ сначала выпытаетъ собесѣдника, расположенъ ли онъ къ нему, и если замѣтитъ искреннее дружелюбіе и неподдѣльную ласковость, то и самъ сдѣлается откровеннымъ.

При сношеніяхъ между собою и съ русскими киргизы держатъ себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Здраваясь, они одинаково всѣмъ протягиваютъ руку. Отношенія ихъ къ русскому чиновнику опредѣляются обыкновенно характеромъ послѣдняго: если онъ уступчивъ и мягокъ, — они притязательны; если же по складу своего характера онъ всегда готовъ дать ихъ незаконной притязательности энергичный, спокойный и справедливый отпоръ, — они сговорчивы.

Кочевая жизнь киргизовъ, при чемъ имъ часто приходится подвергаться переменамъ температуры, переносить стужу и жару, закалила ихъ и сдѣлала выносливыми. Они съ ббльшею стойкостью переносятъ всѣ климатическія измѣненія, холодъ, голодъ и жару, чѣмъ цивилизованные народы.

Киргизы, какъ и другіе инородцы, стоящіе на низшей ступени цивилизаціи, предпочитаютъ ничегонедѣланіе труда. Если нужда не побуждаетъ киргиза приняться за работу, онъ охотно лежитъ на кошмѣ въ своей юртѣ или же переходитъ изъ юрты въ юрту, стараясь услышать какую-нибудь новость. Но если нужда побудитъ его приняться за работу, онъ тогда неутомимъ.

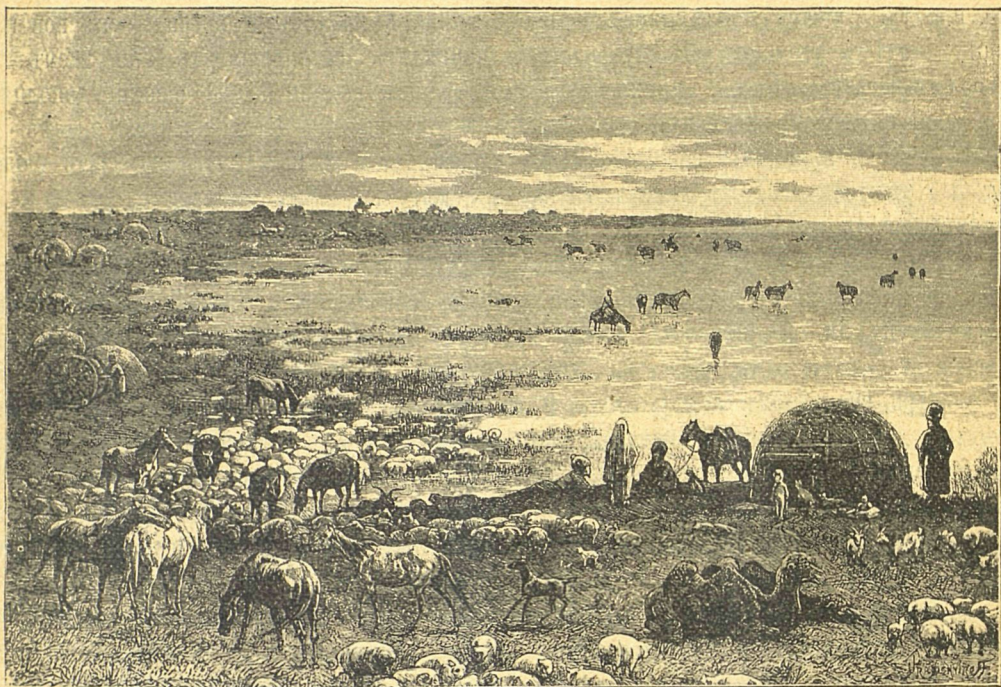
Киргизы обладаютъ по-преимуществу живымъ, подвижнымъ и даже веселымъ темпераментомъ. Они всегда готовы принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи.

Киргизы смѣлы. Будучи плохо вооружены, они смѣло идутъ на волка или даже тигра и справляются съ нимъ. На врага они нападаютъ обыкновенно съ крикомъ и взвизгиваніемъ; но они не въ состояніи противостоять правильно устроенному войску. Если они нападаютъ на караванъ или таборъ съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычей съ перваго раза, они не пытаются уже напасть во второй разъ.

Главное занятіе киргизовъ состоитъ въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей и верблюдовъ.

Киргизскія овцы съ курдюками; онѣ даютъ вкусное мясо, сало и шерсть, изъ которой приготавливаютъ войлоки.

Второе мѣсто послѣ овецъ въ хозяйствѣ киргизовъ занимаютъ лошади. Киргизскія лошади малы ростомъ, но выносливы и быстро бѣгутъ, особенно подъ верхомъ. Рѣдкій киргизъ не имѣетъ нѣсколькихъ лошадей, а богатые считаютъ ихъ табунами. Лошади служатъ имъ не только для ѣзды, но также идутъ въ пищу. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ лошадиное мясо и изъ лошадиного молока дѣлаютъ здоровый и питательный напитокъ — кумысъ.

Верблюдовъ держатъ преимущественно для перевозки тяжестей. Въ песчаныхъ степяхъ верблюдъ незамѣнимъ, такъ какъ долгое время можетъ пробыть безъ пищи и питья и довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ, котораго не стануть ѣсть лошади или рогатый скотъ. Годовому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и вдѣваютъ въ оный палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязывается веревка, служащая вмѣсто узды. Верблюды идутъ обыкновенно гуськомъ (по караванному выраженію „ниткой“), привязанные одинъ къ другому. На каждого верблюда кладется тяжести до 18 пудовъ, а въ тѣлѣжкѣ или арбѣ онъ можетъ везти до 50 пудовъ. При остановкѣ на кормовку жоакъ дернетъ верблюда за веревочку, продѣтую въ носовой хрящъ, и тотъ ложится. Жоакъ снимаетъ съ него тюки и пускаетъ пастись. Верблюдъ скоро наѣдается, послѣ чего ложится отдохнуть. Послѣ отдыха, по слову „чокъ“, онъ становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу. Въ теченіе дня верблюдъ проходитъ съ ношей до 50 верстъ.

Рогатого скота киргизы держатъ сравнительно меньше, при чемъ быки употребляются для перевозки тяжестей, а коровы содержатся для молока.

Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣлъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ—киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала идутъ лошади, за ними слѣдуютъ овцы и рогатый скотъ, а за овцами и скотомъ уже движутся арбы, запряженные верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ табора и пригоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумала свернуть въ сторону. Женщины и дѣти помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазаныхъ колесъ, блеяніе овецъ, ржаніе лошадей—все это сливается въ одинъ нестройный гулъ, слышный далеко отъ табора. Встрѣтилось на пути мѣсто, гдѣ есть вода и достаточно корма,—таборъ останавливается, женщины быстро устанавливаютъ юрты, мужчины ищутъ топлива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею, пока скотъ не съѣстъ всю траву.

Киргизы думаютъ, что кочевой образъ жизни самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣчала: „Мы не такъ лѣнны, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что,—посудите сами,—солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы—все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“

Киргизскія лошади круглый годъ остаются на подножномъ корму. Зимой онѣ добываютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Для овецъ киргизы заготавливаютъ на зиму нѣсколько стоговъ сѣна.

Кромѣ скотоводства, многіе киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, просо, а въ южныхъ частяхъ степи разводятъ даже бахчи съ арбузами и дынями. Способъ обработки полей первобытный. Въ южныхъ частяхъ степи прибѣгаютъ къ искусственному орошенію полей (арыками).

Занимаются киргизы также охотой; это занятіе, впрочемъ, не составляетъ у нихъ промысла, а служитъ скорѣе развлеченіемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимой и охота съ соколомъ лѣтомъ. На волковъ киргизы охотятся верхомъ. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ длинная плеть, на концѣ которой привязанъ кусокъ желѣза или камень. Напавши на слѣдъ волка, они начинаютъ преслѣдовать его. Волкъ, почуявъ бѣду, убѣгаетъ; его нагоняютъ и стараются ударить плетью. Одинъ или два удара кладутъ волка на мѣстѣ. Убитаго волка везутъ въ юрту; здѣсь снимаютъ съ него шкуру, которую продаютъ или употребляютъ на шубу. Охота съ соколомъ производится такъ: выѣзжаетъ киргизъ, держа на перчаткѣ, надѣтой на лѣвой рукѣ, сокола, приученнаго къ охотѣ за птицами. На головѣ сокола шапочка; она закрываетъ ему глаза, чтобъ онъ не улетѣлъ не во-время. Впереди бѣжитъ собачка. Лишь только она подниметъ куропатку, какъ шапочка снимается, и соколъ, взвившись вверхъ, стрѣлой налетаетъ на куропатку и вонзаетъ ей въ спину свои острые когти. Минуту спустя, киргизъ уже укладываетъ въ мѣшокъ куропатку, а сокола надѣляетъ заранѣе приготовленнымъ кускомъ сырого мяса.

Рыболовством киргизы почти не занимаются; если же нѣкоторые изъ нихъ занимаются, то не для пищи себѣ, такъ какъ они рыбы не любятъ, а для продажи.

Говоря о занятіяхъ киргизовъ, слѣдуетъ упомянуть также о производствѣ ими войлочныхъ издѣлій и армячины изъ овечьей или верблюжьей шерсти. Этимъ дѣломъ преимущественно занимаются женщины; онѣ же шьютъ одежду себѣ и мужчинамъ и вышиваютъ узоры по полотну или кожѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большая часть работы по домашнему хозяйству выполняется женщинами: онѣ ходятъ за дѣтьми, готовятъ пищу, доятъ скотъ, готовятъ кумысъ, обшиваютъ семью, дѣлаютъ кошмы, цыновки и ставятъ юрту. Мужчины же или лежатъ на кошмѣ въ юртѣ, или же работаютъ внѣ юрты: стерегутъ скотъ, косятъ сѣно, заготавливаютъ дрова и возятъ ихъ на базаръ и т. п.

Пищей киргизовъ служатъ баранье, лошадиное и верблюжье мясо. Ѣдятъ они его варенымъ или копченымъ. Самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ жеребятъ. Изъ лошадиного мяса они готовятъ „казы“ — родъ колбасы, а изъ баранины, мелко искрошивши ее и обливши топленымъ саломъ, они готовятъ „башбармакъ“. Изъ молочной пищи они употребляютъ „рамчикъ“ и „крутъ“ — сыръ, который Ѣдятъ въ сухомъ видѣ, а также разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи готовятъ такъ называемый „баурсакъ“ — лепешки изъ прѣснаго тѣста, изжаренныя въ салѣ. Готовятъ также „кужу“ или „буткѣ“ — пшеничную или просыную похлебку. Богатые киргизы любятъ угощаться шавомъ, т.-е. свареннымъ въ бараньемъ салѣ рисомъ съ бараниной.

Главный напитокъ киргизовъ — кумысъ. Этотъ здоровый, питательный и нѣсколько опьяняющій напитокъ кисловато-вяжущаго вкуса готовится такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго молока или крута. Смѣсь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной колотушкой, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Черезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить, а въ сабу вливаютъ свѣжаго лошадиного молока.

Кромѣ кумыса, многіе киргизы пьютъ чай, заваривая его въ котелкѣ или на самоварѣ.

Ѣдятъ киргизы сидя на землѣ, поджавши ноги. Пищу ставятъ, въ деревянной мискѣ, на низкій столъ, вокругъ котораго помѣщается вся семья. Сначала беретъ себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи ѣсть гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностью собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ при ѣдѣ киргизы не употребляютъ. Определеннаго времени для принятія пищи они не имѣютъ, а Ѣдятъ, когда захотятъ; большею же частью они принимаютъ пищу рано утромъ и вечеромъ. При изобиліи пищи киргизъ сѣдастъ за троихъ, но зато при недостаткѣ ея терпѣливо переносить голодъ.

Скажемъ о важнѣйшихъ бытовыхъ обрядахъ киргизовъ.

При свадьбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посылаетъ къ родителямъ невесты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма, т.-е. платы за невесту. Размѣръ калыма опредѣляется состояніемъ жениха; иногда

онъ достигаетъ до сотни лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Условившись насчетъ количества калыма, родители невѣсты въ свою очередь отправляютъ пословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ часть условленнаго калыма и угоняютъ полученный скоть въ ауль невѣсты. За ними слѣдуетъ женихъ съ подарками тестю. Передавши подарки, онъ помѣщается въ приготовленной ему юртѣ. Родственницы невѣсты оказываютъ ему возможныя услуги: приносятъ ему ѣду, воду и т. п. За каждую услугу онъ низко кланяется, опустивши длинные рукава своего халата. Невѣста въ сопровожденіи подругъ и молодыхъ парней (джигитовъ) ѣдетъ прощаться со своими родными и знакомыми; тѣ угощаютъ ее и ея провожатыхъ. Въ это время къ тестю пригоняютъ остальную часть скота. По уплатѣ, такимъ образомъ, калыма и по возвращеніи невѣсты домой, совершается обрядъ бракосочетанія. Жениха и невѣсту вводятъ въ юрту, при чемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ; они обыкновенно отвѣчаютъ въ прошедшемъ времени (я желалъ, я желала), или ничего не отвѣчаютъ. Молчаніе принимается за знакъ согласія. Мулла прочитываетъ молитву, при чемъ дуетъ на приготовленную воду и даетъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали“. Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорбляй жены, чтобы не омрачить моей славы“. Молодая уходитъ въ другую юрту и переодевается въ одежду замужней женщины (повязываетъ голову бѣлымъ покрываломъ). Вслѣдъ затѣмъ новобрачные отправляются въ ауль мужа; за ними везутъ приданое, размѣръ котораго соотвѣтствуетъ обыкновенно размѣру калыма. Оно состоитъ по большей части изъ юрты, постели, 9 рубахъ, 9 холстовъ, 9 халатовъ или шубъ, 9 ковровъ, головного убора съ серебряными бляхами и сѣдла. Все это укладывается въ арбы или навьючивается на лошадей или верблюдовъ. Чѣмъ больше арбъ, верблюдовъ и лошадей слѣдуетъ за новобрачной, тѣмъ больше славы и ей самой, и ей отцу, а мужу—прибыли. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу мужа, навстрѣчу молодой выходятъ ея свекровь и другія родственницы со своими знакомыми. Пока идутъ привѣтствія, нѣсколько женщинъ спѣшатъ поставить привезенную за молодой юрту и разложить въ ней необходимыя для хозяйства принадлежности. Когда юрта готова, въ нее вводятъ новобрачныхъ. Отецъ новобрачнаго рассылаетъ по ауламъ гонцовъ съ приглашеніемъ на свадебныя пиршества. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе съѣзжается гостей и тѣмъ болѣе закалывается барановъ и лошадей для угощенія ихъ. Для съѣхавшихся гостей устраиваются игры (байга).

Дѣвушку у киргизовъ нерѣдко прѣсватываютъ задолго до свадьбы. Можетъ случиться, что прѣсватанная невѣста умретъ, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать жениху вторую свою дочь; если же таковой нѣтъ, то должны возвратить калымъ и заплатить штрафъ. Если женихъ умретъ или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться его братъ, а если брата нѣтъ, то родители невѣсты возвращаютъ калымъ.

Разводъ у киргизовъ совершается довольно легко. Достаточно, чтобы мужъ въ продолженіи дня три раза сказалъ женѣ: „уйди прочь отъ меня“, чтобы разводъ состоялся. При разводѣ, совершенномъ по желанію мужа, калымъ, уплаченный имъ, ему не возвращается.

Женъ себѣ киргизы стараются выбирать изъ семействъ, которыя соотвѣтствовали бы имъ по роду, знатности и богатству: киргизъ, принадлежащій къ высшему сословію (бѣлой кости), съ трудомъ согласится жениться на дѣвушкѣ изъ семьи, принадлежащей къ низшему сословію (черной кости).

Къ дѣтямъ своимъ киргизы относятся ласково и заботливо. По рожденіи ребенка, его обмываютъ, обвертываютъ въ тряпки и кладутъ въ колыбель, къ которой и привязываютъ тесьмой. Для удобства при ношеніи къ колыбелькѣ придѣлываются обручи. На пятый день ребенку даютъ имя, при чемъ мать получаетъ подарки съ отца и родственниковъ ребенка, а отецъ устраиваетъ угощеніе для родныхъ и знакомыхъ. Мать обыкновенно кормитъ своего ребенка очень долго, иногда до трехъ лѣтъ.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣ и другіе спѣшатъ навѣстить покойника; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходятъ въ сторону. Трупъ обмываютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остального пространства юрты занавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница, воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, дабы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемоніи не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю мочь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойнаго, кромѣ того, въ знакъ своей глубокой печали, царапаетъ себѣ до крови лицо и руки.

Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ. Могилу закладываютъ досками и затѣмъ засыпаютъ ее землей. Надъ могилой прочитываютъ молитву и закалываютъ барана, а у богатыхъ лошадь.

Похороны кончены. Всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угощеніе мясомъ заколотога барана или лошади. Въ угощеніи не принимаетъ участія вдова покойнаго. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна даже ѣсть днемъ, а только ночью. Трауръ продолжается 40 дней, при чемъ мужчины не бреютъ себѣ головы, а женщины снимаютъ съ себя украшенія—серьги и кораллы. На третій, седьмой и сороковой день бываютъ поминки по покойникѣ, при чемъ бываетъ угощеніе приглашенныхъ гостей. Но главныя поминки справляются чрезъ годъ послѣ смерти покойника. Поминки эти называются „асъ“. Онѣ продолжаются иногда до семи дней. Созываются родные и знакомые не только изъ ближайшихъ, но также и изъ отдаленныхъ ауловъ. Многіе, узнавъ о предстоящемъ „асѣ“, прѣзжаютъ безъ приглашенія. Родственники покойнаго заготовляютъ, для угощенія гостей, много баранины, конины и кумыса. Нерѣдко сами гости привозятъ съ собою необходимые для угощенія мясо и кумысъ. Въ день, назначенный для аса, украшаютъ юрту покойнаго лучшими вещами: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч. Возлѣ юрты стоятъ верблюды и лошади, которыхъ наиболѣе любилъ покойный. Мулла открываетъ праздникъ чтеніемъ молитвы. Кругомъ стоятъ разряженныя женщины; онѣ вспоминаютъ хорошія качества покойнаго, плачутъ и причитываютъ. Послѣ молитвы закалывается любимая лошадь умершаго. Собравшіеся на поминки ѣдятъ, а затѣмъ устраиваютъ игры и между прочимъ байгу.

Надъ могилою почетнаго лица возводится памятникъ въ видѣ глиняной пирамиды, конуса или четырехугольной ограды, съ башнями по угламъ, иногда весьма затѣливой архитектуры.

Увеселенія киргизовъ состоятъ въ слушаніи разсказовъ и игрѣ въ бараньи кости; главнымъ же ихъ увеселеніемъ служить байга. Байга устраивается по поводу свадьбы, поминокъ и вообще по поводу какого-нибудь важнаго случая въ жизни киргизовъ. Нерѣдко само начальство устраиваетъ для киргизовъ байгу.

Байга обыкновенно начинается борьбой киргизскихъ силачей. Выходятъ два киргиза, измѣриваютъ другъ друга глазами и начинаютъ бороться. Если силы у борющихся равны, они долго ходятъ кругомъ, стараясь свалить другъ друга. Толпа между тѣмъ подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, свалилъ противника. Одобрительныя восклицанія служатъ наградой побѣдителю. Кромѣ борьбы, киргизы состязаются въ лазаніи на столбѣ, на вершинѣ котораго повѣшенъ призъ. Съ трудомъ достается степнякамъ этотъ призъ. Рѣдкій можетъ взобраться на столбъ. Иногда состязанія бываютъ и такія: ставятъ верблюда; кто, разбѣжавшись, перескочитъ чрезъ него, тому онъ и достается. Вѣшаютъ также на нитку серебряную монету; кто попадетъ въ нее изъ винтовки, тотъ беретъ ее себѣ. Самая важная часть байги состоитъ въ скачкѣ лошадей-бѣгунцовъ. Для бѣга назначается разстояніе верстъ въ 25. По знаку судей или свидѣтелей всадники стремглавъ пускаются въ бѣгъ, стараясь опередить другъ друга. Каждый изъ нихъ крикомъ, взвизгиваніемъ и ударами плети погоняетъ своего бѣгунца. Лошади мчатся, какъ стрѣлы, и бѣда тому,—будь то животное или человѣкъ,—кто встрѣтится на пути и не успеетъ посторониться.... Толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда покажутся всадники. Вотъ вдали показалась пыль. Всѣ вскрикнули и замолчали, обративши вниманіе на приближающихся всадниковъ. Первая лошадь прискакала. Она вся въ мылѣ. Торжествующій всадникъ соскакиваетъ съ нея и представляется судѣ. Лошадь уводятъ. Велѣдъ за первымъ всадникомъ показывается второй, потомъ третій и т. д. Прискакавшій первымъ получаетъ самый дорогій призъ—или юрту, или конскую сбрую, или шелковый халатъ, или другую цѣнную вещь. Прискакавшій вторымъ получаетъ второй, менѣе цѣнный призъ. Полученный призъ въ прежнее время передавался, по существовавшему обычаю, старшему въ родѣ, а не оставлялся выигравшимъ у себя. По окончаніи игръ и состязаній киргизы угощаются. Они усаживаются группами около котловъ, куда распорядители бросаютъ огромные куски вареной баранины или конины. Какъ только въ котель попалъ такой кусокъ, киргизы съ волчьей жадностью рвутъ его своими пальцами и ѣдятъ.

Пляски у киргизовъ нѣтъ никакой. Игру на инструментѣ иногда приходится слышать. Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребительны: *кобызъ*—родъ віолончели съ колышкомъ внизу, для упора въ землю; на немъ играютъ смычкомъ; *долбра*—родъ треугольной балалайки съ двумя или тремя бараными струнами; *зурна*—духовой инструментъ, вродѣ короткаго гобоя. Что касается пѣнія, то его тоже можно услышать у киргизовъ. Напѣвъ ихъ пѣсенъ—монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется; ему кажется, что чѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ.

Киргизы большею частью импровизируют свои пѣсни. Пѣвецъ поетъ обыкновенно про то, что видитъ или что чувствуетъ въ данный моментъ. Вотъ вздумалось киргизу, ѣдущему по степи на верблюдѣ, пѣть, — и онъ начинаетъ свое монотонное пѣніе. Увидѣлъ онъ птичку — запоетъ про нее, затѣмъ про то, что онъ чувствуетъ голодъ; наконецъ, переходитъ на что-нибудь другое. Иногда трудно уловить нить мысли его пѣсни; она такъ же быстро перебѣгаетъ отъ одного изъ окружающихъ предметовъ на другой, какъ быстро смѣняются впечатлѣнія пѣвца отъ этихъ предметовъ. Вотъ, для примѣра, переводъ одной импровизованной киргизской пѣсни: „Бросился ястребъ на утокъ, на стадо, стадо большое.... А я самъ боленъ, и ѣда на умъ не идетъ“.

Между киргизами встрѣчаются пѣвцы по призванію. Они приглашаются на празднества и здѣсь поютъ, аккомпанируя своему пѣнію игрой на домбрѣ. Пѣсни ихъ нерѣдко отличаются задушевностью и содержательностью. Слушатели, окружая пѣвца со вниманіемъ слушаютъ его, выражая иногда возгласомъ свое одобреніе.

113

САРТЫ.

Сарты произошли отъ смѣшенія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Говорятъ они нарѣчіемъ тюркскаго языка. Всѣхъ ихъ насчитывается около 600 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе своего смѣшаннаго происхожденія, сарты носятъ въ своей фізіономіи черты иранскія, или персидскія, и тюрко-монгольскія, при чемъ у однихъ преобладаютъ первыя, а у другихъ—вторыя. Вообще же говоря, сарты имѣютъ довольно правильный овалъ головы, смугловатый цвѣтъ лица, черные, большіе, продолговатаго разрѣза глаза, окаймленные густыми дугообразными бровями, прямой, а иногда съ горбомъ носъ и слегка выдавшіяся скулы. Волосы ихъ черны и борода густа. Они довольно высокаго роста и стройны; дородность ихъ иногда переходитъ въ тучность.

Обыкновенной одеждой сартовъ служитъ широкой цвѣтной халатъ. Желая похвастаться своимъ богатствомъ, сартъ надѣваетъ нѣсколько халатовъ, при чемъ нижній халатъ надѣваетъ въ рукава, а верхніе — на распашку. По нижнему халату онъ опоясывается широкимъ бумажнымъ или кожанымъ поясомъ, на которомъ сбоку виситъ кошелекъ и футляръ для ножа. Обувью служатъ ичиги, сверхъ которыхъ надѣваютъ калоши съ загнутыми вверхъ носками. Калоши обыкновенно снимаются при входѣ въ домъ, при молитвѣ и принятіи пищи. На голову надѣваютъ аракинъ (ермолку), поверхъ котораго повязываютъ чалму. Многіе вмѣсто чалмы носятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой мѣховую шапку съ отогнутыми наружу краями.

Одежда женщинъ состоитъ изъ рубашки съ вышивкой, идущей со спины на грудь широкой полосой, и халата, отличающагося покроемъ отъ мужского. Халатомъ онѣ покрываютъ не только туловище, но и голову. Лицо закрываютъ черною вуалью, сдѣланною по большей части изъ конскаго волоса.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сарты любятъ щеголять своею одеждой. Нарядившись въ свой нарядный пестрый костюмъ, сартъ въ праздникъ выходитъ на улицу пощеголять имъ передъ знакомыми.

Живутъ сарты преимущественно въ городахъ; занимающіеся же земледѣіемъ живутъ въ кишлакахъ (селеніяхъ). Вообще говоря, они предпочитаютъ скученную городскую жизнь жизни деревенской, и, если представляется возможность, сартъ охотно перебирается жить изъ кишлака въ городъ.

Жилищемъ богатыхъ сартовъ служатъ дома восточной архитектуры, а бѣдныхъ — сакли. Какъ дома, такъ и сакли строятся большею частью изъ камней и глины и имѣютъ плоскую крышу, на которой хозяева проводятъ время въ теплую погоду.

Внутренность богатаго сартовскаго дома раздѣлена на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ первая служитъ для пріема гостей; въ слѣдующей комнатѣ помѣщается хозяинъ, а въ заднихъ—его семейство. Рядомъ съ комнатою хозяина находится помѣщеніе для склада товаровъ и домашнихъ принадлежностей. Комната, предназначенная для пріема гостей, обыкновенно содержитъ чище другихъ: у стѣнъ ея разставлены красивые кожаные сундуки съ имуществомъ, въ нишахъ разставлена болѣе цѣнная домашняя посуда, на стѣнахъ висятъ ковры, халаты; тутъ же можно видѣть и изображеніе Мекки.

Сакля бѣднаго сарта состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты съ небольшимъ вверху окномъ. Въ нее ведетъ низенькая дверь. Посреди сакли вырывается яма, служащая очагомъ, надъ которымъ въ холодное время ставятъ табуретъ, покрытый одѣялами. Подъ эти одѣяла сарты прячутъ ноги и такимъ образомъ согреваютъ ихъ. Глиняный полъ сакли выстилается коврами, на которыхъ сарты сидятъ, поджавши ноги.

Возлѣ своихъ домовъ и сакель сарты нерѣдко разводятъ огороды и садики съ плодовыми деревьями и цвѣтами.

Домашній бытъ сартовъ отличается патріархальностью и простотою. Дѣти относятся съ почтеніемъ къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ и сами пользуются ихъ нѣжною любовью и заботливостью. Женщины у сартовъ не показываются постороннимъ мужчинамъ. У состоятельныхъ для женщинъ устраивается даже особое помѣщеніе, отдѣленное отъ мужского жилья.

Въ пищу сарты умѣренны. Преобладающая ихъ пища растительная: мучныя лепешки, фрукты и т. п.; пищу приправляютъ пряностями; мяса употребляютъ мало.

Сарты занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, при чемъ для обработки земли нанимаютъ рабочихъ. Для орошенія своихъ полей они проводятъ арыки. Съ большою охотою они занимаются также садоводствомъ. Владѣя значительными фруктовыми садами, они снабжаютъ фруктами не только Туркестанскій край, но и сѣверныя области страны, гдѣ фрукты не растутъ.

Ремесленная дѣятельность края сосредоточена преимущественно въ рукахъ сартовъ. Сарты — плотники, столяры, кузнецы, красильщики, шорники. На базарахъ въ Ташкентѣ и другихъ туркестанскихъ городахъ можно видѣть сѣдла, уздечки, попоны въ азіатскомъ вкусѣ, а также одежду, обувь и дѣтскія игрушки, сдѣланныя руками сартовъ. Ознакамливаясь съ издѣліями европейцевъ, сарты постепенно улучшаютъ свое производство.

Самымъ любимымъ занятіемъ сартовъ служитъ торговля. Для сарта нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть въ лавочкѣ и отпускать товаръ покупателямъ. Какъ только появились у сарта лишнія деньги, онъ сейчасъ же пускаетъ ихъ въ торговые обороты. Иногда онъ въ долгъ беретъ у купцовъ товаръ и разноситъ или развозитъ его по деревнямъ, промѣнивая на сельскіе продукты, которые продаетъ въ городѣ, получая нѣсколько копеекъ барыша. Изъ копеекъ онъ составляетъ рубли, изъ рублей—десятки, сотни, и затѣмъ обзаводится лавочкой, въ которой готовъ сидѣть по цѣлымъ днямъ. Въ торговлѣ сарты изворотливы и находчивы. Нерѣдко въ одинъ годъ сартъ-торговецъ сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ своему капиталу, ибо гоняется не столько за большими процентами, сколько за быстрой продажей товара.

Пока сартъ не приобрѣлъ обезпеченнаго состоянія или не обзавелся лавочкой, онъ дѣятеленъ, подвиженъ, предприимчивъ. Но чуть только онъ почувствовалъ себя обезпеченнымъ, онъ становится лѣнливымъ, малоподвижнымъ. Онъ или неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотритъ на окружающее, или безцѣльно ходитъ по базару, выслушивая всякаго рода новости, или же проводитъ время въ игорномъ домѣ за азартной игрой. Нужно замѣтить, что сарты охотно отдаются азартнымъ играмъ; они играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и друг. Не только въ игорныхъ домахъ, но также иногда и среди улицы можно видѣть сартовъ, играющихъ въ какую-нибудь азартную игру. Нерѣдко можно также видѣть сартовъ, потѣшающихся боемъ перепеловъ, барановъ и даже верблюдовъ. Иногда по цѣлымъ часамъ они внимательно слѣдятъ за ходомъ битвы.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы и вообще духовныя лица имѣютъ у нихъ важное значеніе; такое значеніе они приобрѣтаютъ какъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и обученіемъ дѣтей въ школѣ, куда каждый сартъ обязанъ посылать своихъ сыновей, для изученія религіи, чтенія и письма. Самая дѣятельность духовныхъ лицъ у сартовъ признается почетной и прибыльной, а потому понятно, отчего многіе стремятся сдѣлаться муллой. Сыновья духовныхъ лицъ обыкновенно занимаются профессіей своихъ отцовъ; сыновья свѣтскихъ лицъ, т. е. купцовъ, ремесленниковъ и т. п., охотно занимаютъ духовныя должности. Если только окончаніемъ своего образованія въ высшей школѣ (медресе) получаютъ на то право.

Въ характерѣ сартовъ замѣчается скрытность и подозрительность. Эти качества у нихъ доходятъ до того, что если русскій, напр., попроситъ сарта разсказать что-нибудь изъ своихъ народныхъ преданій, то онъ станетъ божиться, что ничего не знаетъ и даже незнакомъ съ человѣкомъ, который могъ бы разсказать просимое; но если этотъ же русскій попотчуетъ сарта и войдетъ въ довѣріе къ нему, то онъ разскажетъ не только просимое, но и много посторонняго. Кромѣ того, онъ станетъ часто посѣщать его и даже приводить къ нему своихъ родственниковъ и знакомыхъ, рекомендуя ихъ съ самой хорошей стороны.

Къ начальствующимъ и вообще вліятельнымъ и богатымъ лицамъ сарты относятся обыкновенно услужливо и льстиво. При всякомъ удобномъ случаѣ они льстятъ вліятельному лицу, выражая свою лесть то прямо, то косвенно, разговаривая о немъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Ведя такой разговоръ, сартъ разсчитываетъ, что его льстивыя рѣчи дойдутъ по назначенію.

Сарты хвастливы. Ни одинъ изъ нихъ не преминетъ случая похвастаться чѣмъ только можетъ: одинъ хвастается богатой или знатной родней, другой — своимъ знакомствомъ съ русскимъ чиновникомъ или вліятельнымъ и богатымъ лицомъ, третій — своимъ богатствомъ или удачно совершенной торговой операціей, четвертый — своимъ новымъ костюмомъ и т. д.

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, съ которыми приходится сталкиваться, сарты хитры, изворотливы и подчасъ лживы. Сартъ не стѣсняется сказать неправду, если увѣренъ, что чрезъ это осуществится какое-нибудь изъ его желаній.

Стремленіе къ наживѣ составляетъ существенную черту сартовъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ евреямъ.

При всѣхъ изложенныхъ непривлекательныхъ качествахъ, сарты обладаютъ и хорошими качествами, къ числу которыхъ относится ихъ гостепріимство. Если зайдетъ гость, сартъ постарается его угостить чаемъ съ кисмишемъ (такъ называется туркестанскій сушеный виноградъ), фруктами и, въ заключеніе, трубкой.

Если знатное или богатое лицо посѣтитъ сарта, послѣдній постарается всячески выразить ему свое почтеніе; сосѣди, желая выразить ему такое же почтеніе, собираются на дворъ и, находя неприличнымъ войти въ комнату, становятся поодиночкѣ у дверей ея и, сложивши руки на груди или животѣ, кланяются въ поясъ, произнося: „ассалямъ-алей-кумъ“. На это привѣтствіе гость дѣлаетъ чутъ замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „алей-кумъ-ассалямъ“. Получивъ отвѣтъ, сартъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Любимымъ мѣстомъ препровожденія свободного времени у сартовъ служитъ базарная площадь. Здѣсь сообщаются и распространяются всякія новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“, т. е. длинное ухо.

Въ праздничные дни знакомые сарты посѣщаютъ другъ друга и по очереди устраиваютъ вечеринки. Будучи вообще степеннымъ и даже надменнымъ, гдѣ это требуется этикетомъ, сартъ среди близкихъ знакомыхъ, которыхъ не приходится стѣсняться, охотно шутить, острить и проявляетъ живую веселость.

Сарты не могутъ быть названы храбрыми; изъ трусости они боятся войны и смотрятъ на нее, какъ на зло. Они сами о себѣ говорятъ: „мы не любимъ войны, ибо имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами: война разоряетъ насъ“.

Изъ бытовыхъ обрядовъ сартовъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при бракѣ и похоронахъ.

Сарты женятся рано. Въ выборѣ невѣсты принимаютъ участіе родители. Выборъ личный возможенъ, но просить руки невѣсты женихъ долженъ чрезъ родителей. Въ сватовствѣ нерѣдко принимаютъ участіе муллы.

Сговорившись о калымѣ и приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Обрядъ брака совершается въ домѣ невѣсты, въ присутствіи брачующихся и родственни-

ковъ—мужчинъ. Мулла спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ поступать и жить съ женою хорошо? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявляетъ о количествѣ калыма и приданого, читаетъ молитву и даетъ жениху и невѣстѣ съѣсть кусочекъ хлѣба, намоченнаго въ молоко или водѣ съ солью. Актъ бракосочетанія тѣмъ оканчивается. Гости, бывшіе въ другой комнатѣ, выходятъ, и начинается угощеніе. Приличіе требуетъ, чтобы гости не сидѣли долго. На другой день послѣ свадьбы бываетъ угощеніе у родителей жениха, а на третій — у родителей невѣсты. На третій же день вечеромъ молодая съ нѣсколькими пожилыми женщинами идетъ въ гости къ своему свекру, а мужъ въ то же время идетъ къ своему тестю. Подошедши къ дому свекра, молодая или одна изъ провожавшихъ ее женщинъ говоритъ: „поклонъ Богу“. Изъ дома ей отвѣчаетъ свекоръ: „Богъ поможетъ“. Снова молодая или провожающая ее женщина говоритъ: „поклонъ пророку“, — на что получаетъ отвѣтъ: „и онъ поможетъ“. Такимъ образомъ выражаютъ поклоны свекру, свекрови, родственникамъ и т. д. Послѣ отданія всѣхъ поклоновъ, пришедшіе садятся у порога. Молодой даютъ чай безъ молока. Она проситъ молока. Ей отвѣчаютъ, что корова еще пасется въ степи и, когда придетъ, ее пригонятъ къ ней. Съ того момента отецъ, мать, родственники мужа начинаютъ дарить молодой подарки. Мужъ въ то же время получаетъ подарки отъ родителей и родственниковъ невѣсты.

Послѣ смерти сарта, трупъ его обвертываютъ бѣлою матеріей, а голову повязываютъ чалмой. Трупъ выносятъ изъ дома въ закрытыхъ сверху и съ боковъ носилкахъ и несутъ въ мечеть, гдѣ происходитъ отпѣваніе, послѣ котораго несутъ его на кладбище.

Могилу копаютъ въ ростъ человѣка; на днѣ ея въ горизонтальномъ направленіи дѣлаютъ нишу, въ которую вдвигаютъ тѣло покойника, головою къ сѣверу, а лицомъ къ западу, т. е. въ сторону Мекки. Положивши въ нишѣ трупъ, отверстіе закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею. На похоронахъ бываютъ только мужчины. Поминки по покойникѣ справляютъ на третій, седьмой и сороковой день и по истеченіи года со дня смерти. На поминкахъ мулла читаетъ молитву надъ могилою покойника, и затѣмъ идетъ угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Трауръ по покойникѣ не носятъ.

Въ заключеніе изложенія о сартахъ приведемъ описаніе препровожденія праздничнаго дня богатымъ сартомъ.

„Утромъ, около семи часовъ, сартъ начинаетъ одѣваться. Онъ сурмитъ брови, подводитъ глаза и облакается въ свой новый костюмъ. Жена или сестра помогаетъ ему одѣваться, прикрашиваться. Халатъ и поясъ не такъ сильно занимаютъ его, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убѣдившись, что она повязана совершенно къ лицу, выходитъ изъ дома. По улицамъ онъ идетъ закинувъ голову кверху, при чемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими. Выйдя на площадь, онъ напускаетъ на себя еще больше снеси. Зашедши къ знакомому купцу въ лавку, онъ садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Сартъ пьетъ его, презрительно поглядывая

на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка. /1
Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейкой надъ головой и
опахивается рубашкой, какъ вѣромъ: это все дѣлается для того чтобы показать
проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару.
Проходящіе разсматриваютъ новый нарядъ сарта, любятъся имъ, — чего только онъ
и добивался. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, сартъ переходитъ въ другую, гдѣ повто-
ряется то же самое. Подъ вечеръ, выпивши не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь
натѣшивъ свое чванство и показавъ себя всѣмъ, сартъ идетъ домой. Дома, вертясь
въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ, съ мелочною подробностью и съ
прибавленіемъ противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по
улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя, мо-
жетъ быть, пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и
важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не далъ ему дороги, на-
говорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиниться передъ собой и проч.
Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хайръ! хайръ!“ и временами прибавляетъ:
„да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на
своихъ сосѣдей“, — а выслушавъ все отъ мужа, спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ
прикрасами передать ей замѣчательныя похожденія его.“

ТАДЖИКИ.

Таджики своимъ бытомъ и образомъ жизни сходны съ сартами, такъ что Вамбери считаетъ тѣхъ и другихъ за одно и то же племя, утверждая, будто слово „сартъ“ есть турецкое названіе таджика.

Таджики родственны персамъ; языкъ ихъ — нарѣчіе персидскаго языка. Они имѣютъ высокій лобъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій прямой или горбатый носъ, густые темнорусые волосы и густую бороду.

Живутъ таджики въ селеніяхъ и городахъ; въ нихъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у сартовъ, замѣчается стремленіе къ городской жизни. Занимаются они земледѣіемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей; послѣдней, впрочемъ, они занимаются съ меньшей охотой, чѣмъ сарты.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религію шіитскаго толка, чѣмъ они, между прочимъ, отличаются отъ сартовъ, послѣдователей суннитскаго толка. Нужно замѣтить, что у таджиковъ сохранились еще слѣды почитанія огня и солнца. Нѣкоторые изъ нихъ справляютъ даже праздникъ въ честь огня или солнца; на этомъ праздникѣ они зажигаютъ костры, служащіе для очищенія и излѣченія тѣхъ, кто перепрыгнетъ черезъ нихъ. Если больной слишкомъ слабъ, такъ что не въ состояніи перепрыгнуть черезъ костеръ, то его водятъ вокругъ него или предлагаютъ ему пристально смотрѣть на пламя въ то время, когда надъ послѣднимъ произносятся заклинаніе. Изъ уваженія къ огню, таджикъ не задуетъ горящую свѣчку, а движеніемъ руки погаситъ ее.

Начальное образованіе у таджиковъ настолько же распространено, какъ и у сартовъ. Значительная часть магометанскаго духовенства въ Туркестанскомъ краѣ — таджики.

Бытовые обряды таджиковъ мало чѣмъ отличаются отъ обрядовъ сартовъ; только обряды при бракѣ у нихъ представляютъ нѣкоторыя особенности, а потому и скажемъ объ этихъ обрядахъ.

Женихъ, желающій вступить въ бракъ, посылаетъ въ кишлакъ невѣсты сватовъ, которые условливаются относительно калыма. Затѣмъ ѣдетъ въ кишлакъ и самъ женихъ въ сопровожденіи родственниковъ и друзей. Недовѣжая нѣсколькихъ сажень до мѣстожительства невѣсты, онъ слѣзаетъ съ лошади и дожидается встрѣчи; всѣ же, сопровождающіе его, ѣдутъ къ невѣстѣ. Женщины и дѣвушки выходятъ навстрѣчу жениху и несутъ съ собою угощеніе. При встрѣчѣ всѣ другъ другу кланяются. Послѣ поклоновъ, женщины угощаютъ жениха и получаютъ отъ него подарки. Приблизившись къ саклѣ отца невѣсты, женихъ у самаго порога видитъ палку или веревку, переступить черезъ которую, не уплативши за пропускъ, считается неприличнымъ. Онъ одариваетъ родственниковъ и подругъ невѣсты и, получивъ такимъ

образомъ пропускъ, приближается къ невѣстѣ. Начинается пирушка. Затѣмъ является приглашенный мулла. Посреди сакли разводятъ огонь и вокругъ него раскладываютъ платки, куски матеріи и другіе предметы. Отецъ невѣсты беретъ чашку съ водою и, опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, держитъ ее до тѣхъ поръ, пока мулла не окончитъ чтенія молитвы. Затѣмъ чашку передаетъ муллѣ, который, глотнувъ изъ нея воды, передаетъ всѣмъ присутствующимъ. Всѣ отхлебываютъ воды. Этимъ обрядъ вѣнчанія кончается. Послѣ вѣнчанія слѣдуютъ угощеніе и игры. Между прочими играми видное мѣсто занимаетъ джигитовка, при чемъ молодой и другіе парни догоняютъ молодую, скачущую во весь духъ на отличномъ бѣгунцѣ.

УЗБЕКИ.

Узбеки разбросаны на пространствѣ отъ Хивы и Бухары до Каспійскаго моря и Аральскаго озера; преимущественно же они живутъ по Сыръ-Дарьѣ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Бѣльшая часть ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни и живетъ рядомъ съ таджиками и сартами въ кишлакахъ и городахъ; мѣньшая же часть ихъ ведетъ еще полукочевой образъ жизни, т.-е. хотя и имѣетъ сакли и даже пашни, однако въ извѣстное время года перекочевываетъ со своими баранами и верблюдами съ мѣста на мѣсто.

Названіе свое узбеки производятъ отъ двухъ словъ: *узи* и *бекъ* — самъ себѣ бекъ, самъ себѣ господинъ.

Узбеки произошли отъ смѣшенія тюркскихъ, монгольскихъ и иранскихъ народовъ центральной Азіи. Они имѣютъ коричневый цвѣтъ лица, широкій, приплюснутый носъ, продолговатые глаза, скошенный лобъ и жидкую бороду. Они большею частью высокаго роста, пропорціонально сложены и мускулисты. Говорятъ они тюркскимъ языкомъ.

Всѣхъ узбековъ насчитывается до 350 тысячъ человекъ; они хотя и живутъ рядомъ съ таджиками и сартами, однако мало сближаются съ ними и уклоняются отъ вступленія съ ними въ бракъ.

Религію узбеки исповѣдуютъ магометанскую; они фанатики, и фанатизмъ ихъ поддерживается проповѣдями хаджей и муллъ. Образование между узбеками весьма слабо распространено; очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Узбеки, по наблюденію путешественниковъ, имѣютъ и хорошія, и дурныя черты въ своемъ характерѣ. Они честны, искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоки и мстительны.

Съ древнихъ временъ узбеки раздѣляются на племена и роды, изъ которыхъ болѣе извѣстны кипчаки, джузы, карабчи, кырки и др. Узбеки, относящіеся къ знатному роду, гордятся своимъ происхожденіемъ, стараются сохранить родовые обычаи и преданія и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относятся къ менѣе знатнымъ родамъ. Узбекъ знатнаго рода рѣдко рѣшится выдать свою дочь за жениха низшаго рода. Точно также и женихъ изъ знатнаго рода постарается найти себѣ невѣсту изъ такого же рода. При заключеніи брака у нихъ немаловажную роль играетъ и величина калыма, который, впрочемъ, не составляетъ необходимой принадлежности брака. Неимущіе обыкновенно не уплачиваютъ калыма. Случается, что лица, находящіеся между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, соглашаются безъ уплаты калыма сочетать бракомъ своихъ дѣтей, когда они придутъ въ надлежащій возрастъ. Женихъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право отказаться отъ предназначенной ему еще въ дѣтствѣ невѣсты.

При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обряды. Женихъ посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей невѣсты, онъ, по обычаю, не долженъ видѣться ни съ отцомъ невѣсты, ни съ матерью ея и даже долженъ избѣгать встрѣчи съ ними; если же нечаянно встрѣтитесь съ ними, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т.-е. сдѣлать то же, что дѣлаютъ женщины-мусульманки при встрѣчѣ съ мужчинами.

Женихъ и его родители одариваютъ невѣсту и ея родныхъ. Для подарковъ служить все, что можетъ пригодиться невѣстѣ или ея роднымъ, именно: платки, гребенки, ленты, матеріи, лакомство и съѣстные припасы—мясо, сало, рисъ, хлѣбъ и т. п. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, дабы, если бракъ не состоится, дарившіе имѣли возможность потребовать обратно свои подарки.

День совершенія брака, или „ломанія лепешки“, какъ выражаются узбеки, назначается родителями жениха и невѣсты. Бракъ совершается въ саклѣ отца невѣсты. Сначала перечисляются подарки, данные невѣстѣ, и калымъ, уплаченный за нее, затѣмъ мулла прочитываетъ надъ чашкой съ водой молитву. При чтеніи молитвы присутствуютъ женихъ, родители брачующихся и старики; невѣсты не бываетъ; вмѣсто нея присутствуетъ ея повѣренный. Послѣ молитвы начинается пированіе, при чемъ гости и родные ѣдятъ, поютъ, пляшутъ. Мужчины пируютъ отдѣльно отъ женщинъ. Послѣ угощенія женихъ и его друзья идутъ въ саклю, гдѣ угощаются невѣста, ея подруги и родственницы. Навстрѣчу имъ выходятъ женщины. Послѣднія стараются отбить жениха. Когда имъ удастся овладѣть женихомъ, одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, уходятъ въ свою саклю, гдѣ продолжаютъ пировать. Молодой угощаетъ женщинъ лакомствами, а тѣ развлекаютъ его веселымъ разговоромъ и шутками.

На второй или третій день послѣ заключенія брака молодая переселяется въ саклю мужа, при чемъ ее сопровождаютъ ея подруги. Случается, что мужъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, остается въ саклѣ родителей жены до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ такого состоянія, которое дало бы ему возможность жить своимъ хозяйствомъ.

Узбеки, какъ магометане, могутъ имѣть болѣе одной жены. Если узбекъ имѣетъ нѣсколько женъ, то держитъ ихъ обыкновенно въ особыхъ помѣщеніяхъ; въ противномъ случаѣ между ними происходили бы постоянныя ссоры и драки.

Воспитаніе дѣтей не требуетъ особенныхъ заботъ или хлопотъ отъ родителей. Дѣти растутъ на свободѣ и сами собою, наблюдая за жизнью и дѣятельностью взрослыхъ, научаются тому, что нужно знать каждому узбеку.

Въ сынѣ или дочери цѣнятся не столько красота, умъ, находчивость, сколько физическая сила, необходимая для выполненія работъ. Когда сынъ настолько укрѣпится, что можетъ быть помощникомъ отцу, на него начинаютъ обращать вниманіе, какъ на рабочую силу. Смотри на ребенка, какъ на будущаго помощника въ работѣ, отецъ, естественно, бываетъ болѣе доволенъ рожденіемъ сына, чѣмъ дочери.

Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются отъ отца и составляютъ особые семейства; но случается въ нѣкоторыхъ родахъ, что всѣ сыновья съ ихъ женами остаются при отцѣ, ведутъ общее хозяйство и питаются изъ общаго котла.

Занятія узбековъ обусловливаются мѣстожителемъ и образомъ ихъ жизни. Осѣдлые узбеки, живущіе въ кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ; живущіе въ городахъ нанимаются въ услуженіе къ сартамъ или принимаются за ремесла. Кочевые узбеки занимаются скотоводствомъ.

Нужно замѣтить, что у узбековъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся на низшей ступени цивилизаціи, большая часть работъ по домашнему хозяйству взвалена на женщинъ: онѣ собираютъ топливо, прядуть нитки, заготавливаютъ одежду для всей семьи, выдѣлываютъ овчину и т. п. Даже полевая работа въ значительной мѣрѣ исполняется ими: онѣ не только жнутъ или свозятъ снопы съ поля, но также иногда пахутъ и обрабатываютъ сады. Забота о прокормленіи семьи лежитъ тоже болѣе на женѣ, чѣмъ на мужѣ. Нерѣдко узбечка несетъ на базаръ какое-нибудь свое издѣліе и на вырученные отъ продажи деньги покупаетъ хлѣбъ или мясо для семьи.

Узбеки отличные наѣзники и любятъ лошадей. Не менѣе того они любятъ и даже почитаютъ собакъ. „Если вы, говоритъ Гельвальдъ, спросите узбека: не продастъ ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбитъ его; но вы нанесете ему кровавую обиду вопросомъ: не продастъ ли онъ свою собаку? Выраженіе: „торгующій собаками“ служитъ самымъ браннымъ у узбековъ.“

Увеселенія узбековъ состоятъ въ конскихъ скачкахъ, борбѣ и другихъ состязаніяхъ. Побѣдитель на этихъ состязаніяхъ получаетъ награду. Нечужды имъ поэзія и музыка. Они имѣютъ своихъ рассказчиковъ и пѣвцовъ. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ *дютара* (двухструнная гитара) и *кобоза* (лютня). Игрой на этихъ инструментахъ они сопровождаютъ свои пѣсни и пляски.

V.

ТУРКМЕНЫ.

Туркмены живутъ между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Аму-Дарьей. Пространство это только по берегамъ рѣкъ (Атреку, Мургабу, Аму-Дарьѣ и друг.) представляетъ удобства для осѣдлой жизни и занятія земледѣліемъ; остальные же мѣста неудобны для осѣдлой жизни и земледѣлія: они состоятъ изъ степей, большую частью песчаныхъ, и солончаковъ, лишенныхъ прѣсной воды. Туркмены до такой степени свыклись съ своею степью, что испытываютъ чувство стѣсненія среди лѣса или горъ, лишающихъ ихъ возможности свободно скакать на своихъ быстрыхъ коняхъ и ози- рать безпредѣльную ширь.

Туркмены — турецко-татарскаго происхожденія, что показываетъ уже и самое ихъ названіе. Названіе Туркмены или Тюркмены состоитъ изъ собственнаго имени „Тюркъ“ и суффикса „менъ“.

Туркмены, благодаря своей изолированности отъ другихъ народовъ, въ большой степени сохранили языкъ и наружный видъ того племени, отъ котораго происходятъ. Только тѣ изъ туркменовъ, которые живутъ по соедѣству съ персами, смѣшались съ послѣдними и потеряли свои племенные черты.

Туркмены имѣютъ косолежашіе блестящіе глаза, рѣзко очерченный носъ, мало выдавшіяся скулы, черную, рѣдкую бороду и коротко остриженные черные волосы. Цвѣтъ лица ихъ желтовато-бурый. Видъ и осанка ихъ выражаютъ смѣлость и сознаніе своей силы. Туркменки не уступаютъ туркменамъ въ красотѣ и стройности.

Одеждой туркменовъ служитъ цвѣтной халатъ; голову они покрываютъ мохнатой бараньей шапкой, которая нерѣдко во время сна служитъ подушкой. На ногахъ — ичиги или сапоги. Одежда женщинъ похожа на мужскую, съ тою только разницею, что голову онѣ покрываютъ не шапкой, а шалью. Если женщина хочетъ принарядиться, она опоясывается большою шалью, концы которой спускаются внизъ; на плечи надѣваетъ кофту, въ косу влетаетъ ленту, ноги обуваетъ въ желтые или красные сапоги. Кромѣ того, она украшаетъ себя серьгами, кольцами и побрякушками, которыя при движеніи издаютъ звукъ, очень нравящійся туркменамъ. Туркменскія женщины не прячутъ своего лица подъ покрывало, какъ другія магометанки. „Куда намъ, бѣднымъ жителямъ степей, — говорятъ онѣ, — сообразоваться съ городскими обычаями“.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ (хальковъ), каковы, напр., племена: Текке, Тумуды, Эрзари, Солори, Сарыки и друг. Племена раздѣляются на роды, а послѣдніе — на семьи. Между членами одного и того же племени или рода всегда замѣчалась тѣсная связь: за обиду, нанесенную одному члену рода или племени, обыкновенно метилъ весь родъ.

Всѣхъ туркменовъ насчитываютъ до милліона человекъ. Наибольшая часть ихъ живетъ въ юго-западной части Туранской низменности, на треугольникѣ, вершинами котораго служатъ на сѣверѣ заливъ Кара-Бугазъ, на востокѣ — верховье рѣки Атрека и на западѣ — устье рѣки Гюргеня, впадающей въ Каспійское море.

Значительная часть туркменовъ, именно тѣ, которые поселились на удобныхъ для осѣдлой жизни земляхъ, перешли уже къ осѣдлому образу жизни; остальные же, именно всѣ тѣ, которые живутъ въ степяхъ, неудобныхъ для земледѣлія, ведутъ еще кочевой или полукочевой образъ жизни.

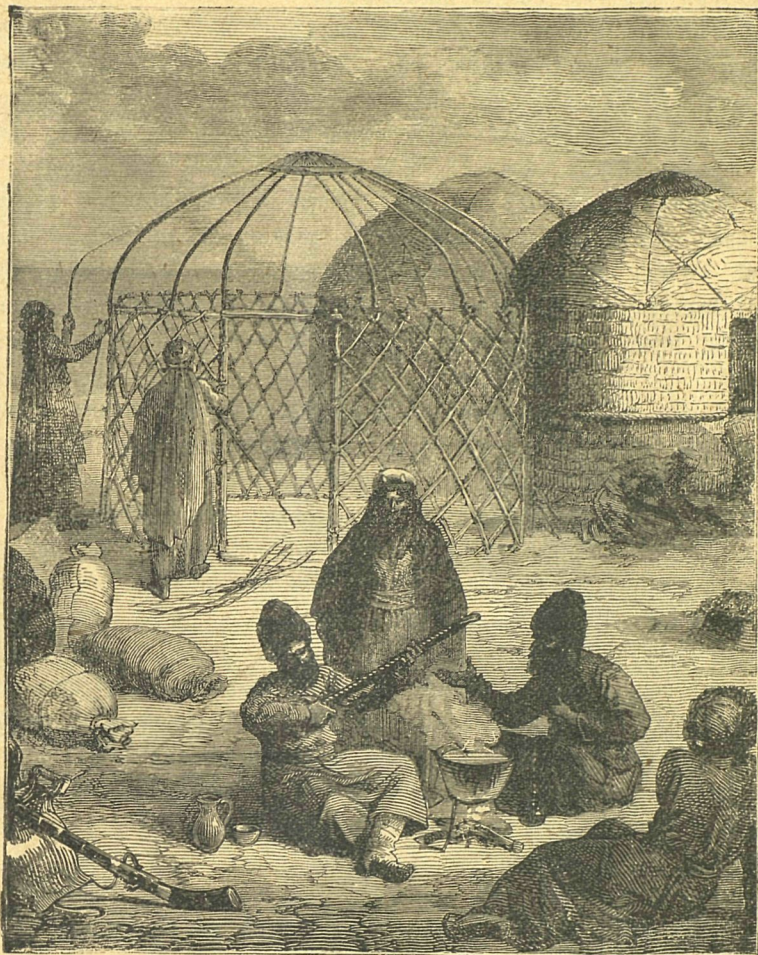

Жилищемъ для туркменовъ служитъ войлочная палатка или юрта. Палатки зажиточныхъ туркменовъ бываютъ устланы коврами; но вообще онѣ рѣдко бываютъ чисты и опрятны. Нѣкоторые туркмены имѣютъ запасную палатку для приема гостей; она обыкновенно бываетъ обтянута болѣе цѣнной бѣлой или цвѣтной кошмой и содержится чище. Осѣдлые туркмены обзаводятся глиняными саклями или деревянными хижинами.

Туркмены исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ почетомъ. Къ кому бы ни пришелъ мулла, онъ желанный гость. Умные муллы, обладающіе краснорѣчіемъ, нерѣдко пріобрѣтаютъ въ народѣ особенное вліяніе. Ихъ называютъ „ишанами“, т.-е. избранными и излюбленными Богомъ людьми, которымъ все удается.

Нѣкоторые муллы обучаютъ дѣтей религіи и чтенію въ открытыхъ ими школахъ. Мулла пишетъ на грифельной доскѣ урокъ и заставляетъ ученика выучить его. Когда урокъ выученъ, мулла выслушиваетъ его, пишетъ дальше и снова приказываетъ ученику выучить написанное. Дѣти учатся въ школѣ обыкновенно до 10—12-лѣтняго возраста, а затѣмъ становятся помощниками отцу или матери.

Силой, опредѣляющей поведеніе туркменовъ, отношенія ихъ между собою и къ иноплеменникамъ, служить не столько требованіе корана или ихъ правителей, сколько обычай (адать). Ни одинъ туркменъ не рѣшится нарушить требованіе обычая. Нарушеніе его влечетъ за собою негодованіе и даже презрѣніе сородичей. Такимъ образомъ обычай имѣетъ у нихъ силу закона и ограничиваетъ произволь ихъ.

Однимъ изъ такихъ обычаевъ служитъ обычай гостепримства. Кто бы ни былъ гость, но пока онъ въ палаткѣ туркмена, онъ въ безопасности. Хозяинъ не только накормитъ его и дастъ ему мѣсто для отдыха, но и защититъ его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ. За обиду, нанесенную гостю, хозяинъ мститъ, какъ за обиду, нанесенную члену семьи.

Мечь въ прежнее время признавалась священнымъ долгомъ. За убійство обычай требовалъ смерти убійцы; за незначительное поврежденіе члена виновный подвергался такому же поврежденію. Если метящій соглашался, онъ могъ получить за обиду выкупъ. За убійство полагался выкупъ въ тысячу тиллъ, или 2500 руб., за повреж-

дене руки или ноги взыскивалось 500 тилл. Если виновный скрылся, между тѣмъ все улики въ его преступленіи были налицо, истецъ обращался съ жалобой къ старшинамъ, по опредѣленію которыхъ родственники виновнаго вознаграждали истца; если же онъ не успѣлъ скрыться, обиженный, не прибѣгая къ суду, самъ старался отомстить ему, причинивши соотвѣтственное зло.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ русскихъ, обычай мести значительно ослабѣлъ; но все-таки онъ еще иногда проявляется.

Въ прежнее время разбои, грабежи и нападенія на сосѣдей не только не считались у туркменовъ преступленіями, но, напротивъ, признавались доблестными подвигами; отсюда проиходило, что они постоянно вели борьбу то съ сосѣдями, то между собою. Завидѣвъ гдѣ-нибудь купеческій караванъ, или чужихъ верблюдовъ и лошадей, туркмены дѣлали засаду, чтобы овладѣть тѣмъ или другимъ. На напавшихъ возставалъ сосѣдній аулъ, къ нему присоединялся родъ, и такимъ образомъ шла безконечная вражда между родами и племенами. Если же не было вражды между родами, то они нападали на сосѣднія государства, грабили и уводили людей въ плѣнъ. Плѣнныхъ они продавали въ рабство бухарцамъ или хивинцамъ, или же держали у себя, принуждая къ тяжелой работѣ и поджидая, пока родственники не выкупятъ ихъ.

Въ настоящее время, когда большая часть туркменовъ вошла въ составъ Русскаго государства, для нихъ прекращена возможность безнаказанно грабить и нападать на сосѣдей и продавать плѣнныхъ въ рабство.

Постоянныя войны сдѣлали туркменовъ храбрыми и отважными: въ храбрости и отвагѣ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ среднеазиатскій народъ.

Отличаясь жестокостью и вѣроломствомъ на войнѣ, туркмены проявляютъ честность по отношенію къ своимъ близкимъ въ мирное время. У нихъ, напр., не заимодавецъ, а должникъ хранить у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить, какую сумму онъ долженъ возратить заимодавцу.

Народная поэзія—эта выразительница народныхъ идеаловъ и стремленій—довольно богата у туркменовъ. По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать рассказы о быломъ. Иногда въ группѣ туркменовъ можно видѣть пѣвца, который подъ аккомпаниментъ дутары (двухструннаго инструмента) поетъ пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ большею частью рассказывается о военныхъ подвигахъ и набѣгахъ храбрыхъ предковъ. Понятно, что эти пѣсни воодушевляютъ молодыхъ туркменовъ и возбуждаютъ въ нихъ желаніе прославиться такими же подвигами.

Грамотность между туркменами мало распространена: не многіе изъ нихъ умѣютъ читать коранъ; но они и не заботятся о томъ, чтобы научить своихъ дѣтей грамотѣ. Главная ихъ забота при воспитаніи дѣтей сводится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ храбрыми, сильными членами рода, умѣющими управлять конемъ и исполнять ту работу, которая кормитъ семью.

Занятіе осѣдлыхъ туркменовъ состоитъ въ земледѣліи; прибрежные занимаются рыболовствомъ и добываніемъ соли, а нѣкоторые изъ нихъ—торговлей. Женщины готовятъ пищу, выдѣлываютъ ковры, кошмы и шелковыя издѣлія.

Главное занятіе кочевыхъ туркменовъ состоитъ въ скотоводствѣ, при чемъ они разводять лошадей, верблюдовъ и овецъ. Наиболѣе любимымъ ими животнымъ служить лошадь. Туркменская лошадь красива, быстро бѣжитъ и вынослива. Уходъ за нею составляетъ главное занятіе туркмена-кочевника, свалившаго большую часть работъ по хозяйству на женщинъ. Нужно замѣтить, что у туркменовъ, какъ и у

других инородцевъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизаціи, почти всѣ домашнія работы выполняются женщинами. По ихъ убѣжденію, мужчинѣ неприлично заниматься какимъ-либо домашнимъ дѣломъ. Если туркменъ не имѣетъ работы внѣ палатки, то, досмотрѣвъ своихъ лошадей, отправляется къ знакомымъ, или присоединяется къ группѣ сородичей, сидящихъ на землѣ передъ палаткою и проводящихъ время въ разговорѣ и слушаніи разказовъ о старинѣ.

Пищей туркменовъ служить мясо домашнихъ животныхъ (лошадей, верблюдовъ, ословъ и барановъ), рыба и хлѣбъ. Пилавъ служитъ у нихъ лакомымъ блюдомъ. Такимъ же блюдомъ служитъ шура—родъ супа съ бараньимъ мясомъ, солью и перцемъ. Напиткомъ служитъ кумысъ, кислое овечье молоко и иногда чай безъ сахара; хмельныхъ напитковъ не употребляютъ, и пьяныхъ между ними нельзя встрѣтить.

Кушанья подаются въ деревянныхъ чашкахъ. Ъдятъ молча, мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Туркмены устраиваютъ по поводу важныхъ въ своей жизни событій игры, на которыхъ главную роль играетъ проявленіе силы и ловкости. Изъ такихъ игръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая, устраиваемая при бракѣ. Невѣста, сидя на отличномъ бѣгунцѣ, беретъ черезъ сѣдло ягненка или козленка и пускается во весь галопъ; за нею верхомъ гонятся женихъ и его друзья. Она ловкими поворотами избѣгаетъ преслѣдованій и не даетъ ни одному изъ нихъ возможности приблизиться настолько, чтобы схватить ягненка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта игра бываетъ и у другихъ среднеазиатскихъ инородцевъ.

По смерти любимаго въ семьѣ чловѣка, туркмены правятъ поминки, при чемъ ежедневно въ часъ его смерти члены семьи голосятъ. Имъ иногда вторятъ нанятые плакальщики. Во время плача они продолжаютъ свои обычные занятія, такъ что женщины, напр., ткуть коверъ, а мужчины чистятъ лошадей, и при этомъ тѣ и другіе голосятъ. На могилѣ знатнаго туркмена набрасываютъ большой холмъ, для чего каждый изъ присутствующихъ при погребеніи обязанъ бросить не менѣе семи горстей или корзинъ земли. Такіе холмы нерѣдко встрѣчаются въ Туркменскихъ степяхъ.

ДУНГАНЕ.

Дунгане въ числѣ около 25 тысячъ человекъ вышли изъ Китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской областяхъ. Возлѣ русскихъ городовъ они построили особыя слободы, обыкновенно называемыя „дунганскими городками“. „Городки“ эти состоятъ изъ одноэтажныхъ глиняныхъ сакель съ маленькими окнами, обращенными на дворъ. Крыша сакель большею частью плоская. Между саклями выдѣляется мечеть; она больше сакель и носитъ на себѣ отпечатокъ китайскаго стиля, чѣмъ отличается отъ мечетей прочихъ магометанскихъ народовъ. Улицы „городковъ“ обыкновенно широки и чисты; онѣ немногочисленны и поражаютъ тишиной. Внутри сакель обыкновенно бываетъ чисто и опрятно. Полъ въ нихъ глиняный, по стѣнамъ устраиваются полки и ниши для склада имущества. Сакля обыкновенно раздѣляется на два отдѣленія — общую и женскую.

Внѣшній видъ дунганъ носитъ отпечатокъ монгольскаго типа. Цвѣтъ лица ихъ желтый. Они, подобно китайцамъ, бреютъ голову, оставляя на макушкѣ длинную косу. Если собственная коса коротка, то дунганъ прицѣпляетъ къ ней шелковую косу. Дернуть за косу дунгана значитъ нанести ему большое оскорбленіе. Тѣло-сложеніе дунганъ крѣпче и мускулистѣе, чѣмъ китайцевъ. Ростъ ихъ довольно высокій, осанка величавая, мужественная. Во время работы дунгане большею частью сосредоточены, даже угрюмы; они рѣдко улыбаются, а еще рѣже смѣются.

Одежда дунганъ состоитъ изъ короткой куртки безъ рукавовъ, называемой „курмой“, и холщевыхъ шароваръ. Обувью обыкновенно служатъ чулки и туфли. На головѣ носятъ ермолку темнаго цвѣта; ермолка бѣлаго цвѣта означаетъ трауръ. Сверхъ ермолки надѣваютъ, смотря по времени года, войлочную или большую соломенную шляпу. Верхнюю одежду составляетъ халатъ. Одежда женщинъ длиннѣе, чѣмъ мужчинъ; къ тому же женщины любятъ украшать себя кольцами, серьгами и браслетами. Преобладающій цвѣтъ одежды дунганъ — синій. По этому цвѣту одежды, да по длинной косѣ отличаютъ дунганъ отъ другихъ народовъ, встрѣчающихся въ среднеазиатскихъ городахъ.

Дунгане трудолюбивы. Они занимаются хлѣбопашествомъ, при чемъ сѣютъ рисъ, просо, кукурузу и пшеницу. Кромѣ того, они очень успѣшно занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Многіе изъ нихъ занимаются ремеслами и торговлей; они изготовляютъ металлическія издѣлія, шьютъ обувь, дѣлаютъ посуду и вѣера и раскрашиваютъ ихъ причудливыми изображеніями птицъ, животныхъ и другими картинами. Картины дунганъ, какъ и китайцевъ, отличаются яркостью красокъ и отсутствіемъ перспективы. Такими картинами они нерѣдко украшаютъ свои жилища и даже устраиваютъ изъ нихъ панорамы для показыванія за деньги.

Женщины у дунганъ исполняютъ домашнія работы: готовятъ пищу, ухаживаютъ за домашними птицами и животными и смотрятъ за огородами.

Дунгане трудолюбивы; у нихъ всё работаютъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ не въ состояніи работать, его прокармливаютъ родственники или знакомые. Отсюда и происходитъ, что въ дунганскихъ „городкахъ“ не замѣчается нищихъ.

131

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію. Они строго соблюдаютъ постъ и религіозные обряды, но менѣе фанатичны, чѣмъ другіе народы, исповѣдующіе ту же религію. Муллы хотя и пользуются у нихъ почетомъ, но не имѣютъ сильнаго вліянія на ихъ дѣла.

Начальное образованіе у дунганъ, какъ и у китайцевъ, значительно распространено. Почти всё дѣти обучаются въ школахъ подъ руководствомъ муллъ. Мальчики обучаются отдѣльно отъ дѣвочекъ. Кругъ школьныхъ занятій ихъ узокъ. Грамота у нихъ китайская.

Дунгане имѣютъ своихъ докторовъ, которые готовятся къ своей профессіи въ Китаѣ.

Дунгане честны, у нихъ рѣдко случается воровство. Кромѣ того, они тверды и настойчивы. Разъ дунганъ задумалъ что-нибудь сдѣлать, онъ свое намѣреніе доведеть до исполненія. Далѣе, они выносливы и терпѣливо переносятъ случающіяся физическія страданія.

Кромѣ названныхъ хорошихъ чертъ, въ характерѣ дунганъ замѣчаются и нехорошія черты. Такъ, они метильны и раздражительны. Если дунганъ въ яростномъ гнѣвѣ вынулъ ножъ, онъ навѣрно пуститъ его въ ходъ. Къ иностранцамъ

дунгане относятся недовѣрчиво и несообщительны съ ними; мало сближаются и съ русскими, хотя съ уваженіемъ относятся къ нимъ. Къ китайцамъ относятся съ враждебною ненавистью. Такая ненависть сложилась исторически, влѣдствіе притѣсненій со стороны китайцевъ, когда дунгане находились въ зависимости отъ нихъ.

Дунгане живутъ большими семьями и неохотно выдѣляютъ дѣтей. Къ старшимъ, особенно къ родителямъ, они относятся съ полнымъ уваженіемъ. За неповиновеніе родительской власти виновный строго наказывается.

Высшее управленіе дунганами лежитъ на обязанности русскихъ властей; ближайшее же управленіе ими возложено на выборныхъ старшинъ и судей (казіевъ). 133
Эти послѣдніе налагаютъ наказаніе за неважные проступки, въ которыхъ не замѣшаны русскіе. При наложеніи наказаній они руководствуются обычаемъ. Обычай допускаетъ тѣлесное наказаніе, которое иногда и примѣняется. Примѣняется еще и такое наказаніе: виновнаго, а иногда и цѣлое виновное семейство сажаютъ въ яму, которая имѣетъ въ глубину сажени полторы и сверху покрывается навѣсомъ такъ, что свѣтъ проникаетъ въ нее съ трудомъ. Пищи даютъ заключеннымъ въ умѣренномъ количествѣ. Наказываютъ виновныхъ также и денежнымъ штрафомъ.

Бракъ у дунганъ совершается послѣ уплаты за невѣсту калыма. Мужчины моложе 18, а женщины моложе 15 лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Старость не служитъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ. Близкое родство служитъ препятствіемъ къ браку. Бракъ совершается муллою, который прочитываетъ установленную молитву. Послѣ брака родные одариваютъ новобрачныхъ. Многоженство допускается у дунганъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ и даже по три жены.

Покойниковъ дунгане зарываютъ въ землю, при чемъ мулла читаетъ установленныя молитвы. По смерти близкаго родственника полагается трауръ, который продолжается 40 дней. Наружнымъ признакомъ траура служитъ бѣлый халатъ и бѣлая ермолка. Женщины въ знакъ траура носятъ на головѣ что-нибудь бѣлое и подолъ платья обшиваютъ бѣлою тесьмой.

Дунгане любятъ играть въ кости. Кости, употребляющіяся при игрѣ, бываютъ до четверти аршина длины и около дюйма ширины. Одна сторона ихъ бываетъ окрашена въ красный цвѣтъ, а на другой разрисованы условные знаки. Игра въ кости нерѣдко становится азартной.

Пищей дунганъ служатъ плоды, мясо и хлѣбъ. Чаще всего подается лашша и „джусай“, приготовляемый изъ муки, мяса и яицъ. Ъдятъ обыкновенно два раза въ день. Чай пьютъ не менѣе китайцевъ. Отъ водки отказываются, но въ праздникъ иногда пьютъ опьяняющій напитокъ „джюннъ“, приготовляемый изъ проса и подаваемый подогрѣтымъ. Опьянѣвши отъ излишне выпитаго „джюнна“, дунгане поднимаютъ ссору, которая нерѣдко оканчивается дракой. Опіума и табаку дунгане не употребляютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добываютъ опіумъ, но не для своего употребленія, а для сбыта китайцамъ.

ТАРАНЧИ.

Таранчи — народъ монгольскаго племени; они, подобно дунганамъ, перешли, въ числѣ 40 тысячъ человекъ, изъ китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской области. Цвѣтъ ихъ лица желтый, лицо продолговатое, глаза прямые, узкіе, большею частью черные, уши оттопыренные, носъ длинный, въ большинствѣ случаевъ широкой и приплюснутый въ срединѣ; волосы на головѣ и бровяхъ черные, густые; голову бреютъ, но усы и бороду носятъ; борода большею частью рѣдкая. Женщины носятъ длинные волосы, заплетая ихъ, дѣвушки — въ нѣсколько, а замужнія, не имѣющія дѣтей — въ одну, имѣющія же ихъ — въ двѣ косы.

Тѣлосложеніе ихъ слабѣе, чѣмъ дунганъ; мускулы ихъ вялы. Роста они средняго или ниже средняго; руки ихъ, сравнительно съ вышиною тѣла, длинны, а ноги коротки. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше другихъ развиты зрѣніе и слухъ.

Таранчи живутъ въ глиняныхъ сакляхъ, не отличающихся чистотой. Въ стѣнахъ сакли вдѣланы ниши и пѣлки, а посрединѣ — углубленіе для очага; въ немъ зимою постоянно горитъ каменный уголь. Сидятъ и спятъ таранчи большею частью на полу, подкладывая войлоки или сѣнники и круглыя подушки, набитыя шерстью или ватой. При сакляхъ устраиваются сады и огороды; чрезъ дворъ нерѣдко проходитъ канавка (арыкъ) съ проточной водой, служащей для поливки огородовъ и для домашняго употребленія. Вода въ этихъ арыкахъ большею частью бываетъ нечиста.

Одежда таранчинцевъ похожа на одежду дунганъ, т.-е. состоитъ изъ рубашки, шароваръ и халата, а зимою тулупа; на ноги надѣваютъ ичиги, а зимою — теплые сапоги; на голову, сверхъ тибетейки, надѣваютъ мѣховую шапку. Женщины любятъ наряжаться, при чемъ подкрашиваютъ брови и ногти. Выходя на улицу, нѣкоторыя изъ нихъ закрываютъ лицо бѣлою, легкою тканью.

Таранчи исповѣдуютъ магометанскую религію, суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ огромнымъ вліяніемъ. Установленный религіей постъ соблюдается строго, при чемъ отъ поста освобождаются только старики, малолѣтніе и больные.

Грамотность у нихъ распространена настолько же, какъ и у дунганъ. Они, подобно послѣднимъ, трудолюбивы, терпѣливы, трезвы и довольно честны. Любятъ они музыку, пѣніе и танцы.

Таранчи занимаются преимущественно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ пшеницу, просо, овесъ и кукурузу; на огородахъ они разводятъ огурцы и другіе овощи; на

бахчахъ разводѣтъ дыни и арбузы. По окончаніи полевыхъ работъ они занимаются охотой и торговлей, а нѣкоторые принимаются за ремесла—плотничное, кузнечное и другія. Занимаются также рытьемъ арыковъ и извозомъ. Для перевозки тяжести они употребляютъ арбы, въ которыя впрягаютъ воловъ или лошадей; ѣздятъ также на ишакахъ. Домашнія работы производятся преимущественно женщинами: онѣ прядутъ шерсть, ткутъ ковры, носятъ воду, ухаживаютъ за огородами и т. п.

Преобладающая пища таранчинцевъ — растительная; они питаются лапшой, мучными лепешками, плодами и овощами. Мясо ѣдятъ не болѣе одного раза въ недѣлю. Напиткомъ служитъ чай съ солью и молокомъ; утромъ пьютъ чай съ пшеничными лепешками, которыя обыкновенно бросаютъ въ чашку съ чаемъ. Пить холодную воду избѣгаютъ, замѣняя ее чаемъ. Табаку они не курятъ, но многіе изъ нихъ его нюхаютъ или кладутъ за щеки.

Бракъ совершается у нихъ при такихъ же обрядахъ, какъ и у сартовъ и дунганъ. Бракъ между близкими родственниками запрещенъ; разводъ совершается очень легко.

Молодая обязана въ продолженіе года послѣ свадьбы ежедневно бывать у своихъ родителей, и первыя роды должны совершиться у нихъ въ саклѣ. При родахъ бываютъ только женщины, которыя оказываютъ рождающей помощь. При тяжелыхъ родахъ кто-либо изъ близкихъ родныхъ взлѣзаетъ на крышу, стучитъ и спрашиваетъ: „принесла ли женщина?“ Снизу отвѣчаютъ: „Богъ далъ“, хотя въ дѣйствительности никто еще не родился; это дѣлается съ цѣлю ободрить рождающую. Иногда при трудныхъ родахъ мулла пишетъ на краю чашки стихъ изъ корана, наливаетъ въ нее чаю и этотъ чай даетъ рождающей. Женщину, умершую во время родовъ, почитаютъ за безгрѣшную. Новорожденного купаютъ въ теплой водѣ, при чемъ въ корытце бросаютъ золотыя и серебряныя украшенія и кольца. Новорожденныхъ не пеленаютъ, а завертываютъ въ тряпки и кладутъ въ узкую колыбель, поверхъ которой обвертываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ выпасть.

О рожденіи ребенка чрезъ посланнаго извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Если кто изъ нихъ спроситъ: сынъ или дочь родилась, то посланный отвѣчаетъ: „волкъ“, если родился сынъ, и „лисица“, если родилась дочь. Родственники и знакомые поздравляютъ отца. Поздравленія принимаются только въ первые два дня послѣ рожденія; на третій день мулла даетъ новорожденному имя. Мать кормитъ своего ребенка до трехъ лѣтъ.

Съ семи лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ посѣщать школу, въ которой обучаетъ мулла. Приведши сына въ школу, отецъ обыкновенно, подобно тому, какъ и у киргизовъ, говоритъ муллѣ: „кости мои, а мясо твое“, разрѣшая этимъ наказывать мальчика, сколько ему заблагоразсудится, лишь бы не повредилъ его костей. Въ школѣ дѣти обучаются чтенію, письму, счету и молитвамъ; тутъ же мулла ставляетъ ихъ въ правилахъ житейской мудрости и честности.

Отъ дѣтей требуется безусловное повиновеніе старшимъ, особенно родителямъ. Каждый молодой человекъ за неповиновеніе старшимъ или родителямъ строго наказывается судьями. Кромѣ того, отецъ, по обычаю, имѣетъ право лишить своего сына, замѣннаго въ неповиновеніи, участія въ наслѣдствѣ не только благопріобрѣтеннымъ, но и родовымъ имуществомъ.

Послѣ смерти таранчинца, тѣло его обвертываютъ въ три ряда тонкою бѣлою матеріею, при чемъ лицо оставляютъ открытымъ. Духовное лицо на крышѣ читаетъ молитву и тѣмъ даетъ знать родственникамъ и знакомымъ, что въ саклѣ покойникъ. Собираются родственники и плачутъ. Хоронятъ безъ гробовъ. Покойника выносятъ въ закрытыхъ сверху и сбоковъ носилкахъ. Въ могилѣ дѣлаютъ нишу, куда кладутъ покойника. Нишу закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею.

На третій, седьмой и сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки, при чемъ угощаютъ знакомыхъ и родственниковъ; мулла читаетъ на могилѣ молитвы.

По смерти близкихъ родственниковъ носятъ трауръ, при чемъ мужчины не бреютъ головы и носятъ бѣлую ермолку и чалму, а женщины снимаютъ съ себя всѣ украшения и обшиваютъ верхъ шапочки бѣлой тесьмой.

Къ русскимъ таранчи относятся подобострастно, даже униженно. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ военную службу и несутъ ее безупречно.

